

Он был до крайности раздражен, и в нем снова взыграло упрямство. Недолго думая, он протянул руку и обнял Лушэна:

— А может, мне жениться на тебе? Свои люди — сочтемся, а если уж жениться, то только на своем человеке.

Лушэн смущенно отстранился:

— Говори, да не руками маши.

Цзинь Шиань не унимался, снова притягивая его к себе:

— Чего ты? Ты столько лет при своем господине, не поверю, что он с тобой ничего не делал.

Лушэн, покраснев от стыда и гнева, воскликнул:

— Господин не такой человек! Никогда ничего подобного не было.

Эти слова ошарашили Цзинь Шианя:

— Да ладно? И что же вы тогда делали? В чистоту играли?

Лушэн недовольно отвернулся, а потом обернулся и сверкнул на него глазами:

— Господин — не чета тебе. Он благородный муж и никогда не совершает непристойных поступков.

— Ладно-ладно, он благородный муж, а я — негодяй, — Цзинь Шиань не выпускал Лушэна из объятий. — Мне сейчас позарез нужен негодяй, чтобы помочь мне. Вот бы задать трепку Цинь Е! Мерзавец, родную дочь продает, что за дрянь такая. — Он положил голову на плечо Лушэну: — Но это всё не главное. Сначала нужно убедить деда. Завтра пойду к нему, даже не знаю, что говорить. Боюсь, как бы он тебя снова не избил.

Цзинь Чжунмин мастерски перекладывал вину на других, и все шишки неизменно доставались Лушэну. Стоило старику выйти из себя, как он тут же приказывал его пороть, что крайне беспокоило господина Цзиня.

Сказанное без задней мысли, это вдруг озарило Лушэна:

— У меня есть идея.

— Какая?

— Слушай.

Они склонились голова к голове и проговорили до тех пор, пока их не начало клонить в сон. Цзинь Шиань, ворочаясь на подушке, пробормотал:

— На самом деле, сегодня, увидев Цинь Сюаньхуэй, я подумал, что она неплоха. Если не считать того, что ее лицо меня раздражает, сама она вполне ничего.

Лушэн не знал, почему он вдруг заговорил об этом, и промолчал.

Цзинь Шиань продолжил:

— Если бы я на ней женился, для нее это было бы даже к лучшему. По крайней мере, она бы сбежала от своего отца-мерзавца.

Сердце Лушэна сжалось, он молча прикрыл лицо веером.

Цзинь Шиань добавил:

— Поэтому по дороге домой я всё думал об одном... Ты спишь? Спишь, да? Я думал, если бы — я говорю, если бы — ты был девушкой, и я женился на Цинь Сюаньхуэй как на жене, а тебя взял бы наложницей, ты бы согласился?

Лушэн, спрятавшись за веером, не понимал, что это за разговоры такие. На душе было тревожно и странно, а лицо постепенно горело.

Цзинь Шиань, решив, что тот уснул, в темноте рассуждал сам с собой:

— Не знаю, что ты об этом думаешь, но мне самому это не по душе. Я, черт возьми, с детства натерпелся от этих вторых жен. Не думаю, что гарем мне подходит. — Лушэн услышал, как он снова перевернулся на подушке, и мягкий шелк отозвался шорохом. — Брак должен быть с тем, кого любишь. Будь ты старым или калекой — нельзя менять любовь как перчатки. Мужчина должен иметь чувство ответственности. Я ее не люблю, а значит, не должен на ней жениться. Это было бы несправедливо по отношению к ней.

Лушэн затаил дыхание. Он слушал долго, но продолжения не последовало. Вскоре он услышал, как Цзинь Шиань невесело усмехнулся в темноте:

— Что это я несу? И зачем я вообще приплел тебя?

Лушэн не выдержал и легонько толкнул его:

— Вот именно, зачем ты меня приплел?

Господин Цзинь промолчал.

Лушэн перевернулся и приподнялся:

— Что ты вообще такое говоришь? Я не девушка, кто захочет быть твоей наложницей?

Господин Цзинь внезапно захрапел.

Лушэн не знал, смеяться ему или злиться, и хлопнул его веером по лицу:

— Из собачьей пасти доброго слова не дождешься.

Господин Цзинь захрапел еще громче.

Для слуг в поместье Бай вчерашний и сегодняшний дни выдались сущим адом.

Молодой господин ушел на смотрины, младший господин Бай упал в обморок, молодой господин вернулся, и младший господин Бай снова повеселел. Никто и подумать не мог, что молодой господин останется ночевать в комнате младшего господина Бая! И даже когда солнце было уже высоко, они всё еще не встали!

Что это значило? Нужно ли говорить? Все всю ночь просидели под окнами младшего господина Бая, но так и не разобрали, что они там делали. Все чувствовали себя крайне неловко, пребывали в замешательстве, испытывая при этом странную радость и пугающее предчувствие. А еще страшнее было то, что внезапно приехал старый господин Цзинь. Дядюшка Чжоу и тетюшка Лю приложили все усилия, чтобы не пустить старика вглубь дома.

В комнате наверняка был беспорядок, старого господина туда пускать было нельзя — если он увидит, то, чего доброго, тут же отдаст богу душу.

Чжоу Юй битый час прохаживался у дверей младшего господина Бая, дрожа от страха. Он не смел войти, боясь увидеть то, чего не следует. Тетюшка Лю и старик Чэнь по очереди приходили его подгонять, спрашивая, встал ли молодой господин. У Чжоу Юя не было выбора, кроме как набраться храбрости и позвать господина.

Пусть даже младший господин Бай — сама Ян-гуйфэй, мой господин, нельзя же так запускать дела!

Чжоу Юй вытянул шею у окна — боясь смотреть, он зажмурился — и прошептал:

— Господин! Приехал старый господин! Мы здесь ждем, чтобы помочь вам одеться! Младший господин, вставайте скорее!

Цзинь Шиань собирался сегодня поехать в дом Цзиней к деду. Из-за того, что лег поздно, он всё еще валялся в постели — в основном потому, что не придумал, что сказать. Услышав крик

Чжоу Юя про приезд старика, он мгновенно подобрался и сел.

Как Цзинь Чжунмин мог приехать так быстро? Неужели эта девчонка Цинь Сюаньхуэй, двулличная змея, вернулась и нажаловалась?

Он сел и потянул за собой Лушэна, который тоже проснулся и, поднимаясь, ударился головой о подбородок Цзинь Шианя.

— Ай, мамочки, у тебя что, голова чугунная?

Лушэн, протирая заспанные глаза, поспешил потереть подбородок Шианя. Они в суматохе снова сцепились, и тут только заметили, что их ноги переплетены, а руки сцеплены. Оба густо покраснели.

Лушэн отпрянул и невольно рассмеялся. Шиань, увидев его улыбку, тоже заулыбался и поспешно вылез из постели:

— Скорее одевайся, дед приехал.

Чжоу Юй за дверью покраснел до корней волос — выходит, они были без одежды! Он и подумать не мог, что молодой господин просто оговорился, имея в виду, чтобы Лушэн сменил ночную рубашку.

Цзинь Шиань крикнул:

— Дядюшка Чжоу, входи скорее! Помоги одеться! Принеси воды умыться!

Чжоу Юй не посмел войти сразу. Он подождал немного, решив, что младший господин Бай уже оделся, и только тогда толкнул дверь. Служанки и слуги вереницей потянулись внутрь, неся всё необходимое: горячие полотенца, воду, мыло и одежду для обоих.

Чжоу Юй с грустью подумал, что младший господин Бай десять лет ждал этого дня — молодой господин проснулся в его комнате. Но почему именно в такой момент!

Цзинь Чжунмин прождал в передней два часа. Он не сердился и не торопил, не спеша попивая чай.

Тетушке Лю и старику Чэню казалось, что на них направлены ледяные взгляды, и, несмотря на июньскую жару, их била дрожь.

Оказалось, что Цинь Сюаньхуэй вчера вечером, вернувшись домой, в ярости разбросала по комнате украшения и изрезала все платья. Цинь Е спросил, что случилось, и Сюаньхуэй, не выдержав, разрыдалась. Вспомнив о шести годах безответной любви, она, насмотревшись любовных романов, разразилась тирадой в адрес отца:

— Ты никогда не думал о моих чувствах! Ты никогда не думал о моем сердце! Ты полностью разрушил мою любовь! Я ненавижу тебя! Я ненавижу этот мир! Я ненавижу эту несправедливую, лицемерную жизнь! Теперь все знают, что это была моя безответная любовь, хотя вы все давно знали об этом! Вы все обманывали меня, дразнили, издевались! Я хочу умереть прямо сейчас!

Цинь Е только молчал.

Раньше, какой бы ни была девушка, нравилась она ему или нет, молодой господин Цинь всегда вел себя учтиво и никогда не терял лица. Цинь Е не ожидал, что он поступит так жестоко. С точки зрения несведущего господина Цзиня, он просто вежливо выразил свое мнение, но для Цинь Е это был беспощадный отказ со стороны дома Цзиней.

Если ты не ведешь себя по-человечески, то и я не буду. Цинь Е, весь вечер выслушивавший истерики дочери, пришел в ярость. Чем больше он думал, тем больше терял лицо — его дочь при всех получила от ворот поворот, и это позорище было уже не смыть. Сегодня утром он в гневе отправился к Цзинь Чжунмину требовать объяснений.

Цзинь Чжунмин не мог больше сидеть сложа руки.

Раньше дом Цзиней пренебрегал расположением Циней, но времена изменились. Только с поддержкой Циней дом Цзиней мог прочно обосноваться в Нандине. Среди ведущих нандинских купцов лишь Цинь Е не был старым соратником Чжан Цзинцзяна; он был ближе к клике Кун Сянси, поддерживаемой Чан Кайши.

Отец — новый вельможа, а дочь — отличный трамплин в высшее общество. Цзинь Шиань должен был понимать все плюсы и минусы этого брака. Даже если он искренне не хотел, нельзя было говорить так категорично и так позорить Цинь Сюаньхуэй.

Цзинь Чжунмин не боялся Цинь Е — выходец из беженцев, он не стоил того, чтобы старый господин Цзинь принимал его в расчет. Его пугало другое: он перестал понимать, что задумал внук.

Цзинь Шиань рос на его глазах, переняв черты его характера — оба были упрямы и молчаливы. Но в характере молодого господина было больше скрытой жестокости: на лице улыбка, а на языке — нож. Он мастерски научился скрывать свои мысли, и никто не мог угадать, что у него на уме.

Цзинь Чжунмин не знал, то ли внук стал мудрым, то ли окончательно глупым.

Он поднял чашку чая и мрачно посмотрел на экран. В глазах старого господина это место было пропитано грязью и развратом.

Цзинь Шиань содержал актера, и он терпел. Этот выскочка-актеришка превратил внука в нечто невообразимое, и он терпел — а что еще оставалось? У него был только один внук, на котором держался весь род Цзиней.

Цзинь Чжунмин не надеялся, что внук остепенится, лишь хотел, чтобы тот продолжил род. Сейчас над домом Цзиней сгустились тучи, и нужно было думать, как избежать беды. Он думал, что Чан Кайши, расправившись с Чжан Цзинцзяном, тут же нанесет удар по Цзиням, но тот внезапно затих.

Цзинь Чжунмин не мог разгадать замыслы Чан Кайши и жил в постоянном страхе.

Он взглянул на тени во дворе и горько усмехнулся. Его внук умеет сохранять спокойствие — то ли по глупости, то ли нет. В такое время он еще находит время заниматься любовью с этим Баем, забыв, как тот когда-то пырнул его ножницами!

Пока Цзинь Чжунмин сидел, кипя от негодования, вошел Цзинь Шиань и с порога заключил деда в медвежьи объятия:

— Дедушка! Прости! Я проспал!

Цзинь Чжунмин застыл, и гнев его внезапно утих.

Удивительно, подумал он, может, небо смиростивилось? После болезни характер Цзинь Шианя изменился. Последние полгода он, конечно, вел себя странно, но старик впервые за долгое время ощутил радость семейного общения.

Старый господин Цзинь тоже был человеком, как ему не хотеть, чтобы внук был рядом? Цзинь Шиань, попав в этот мир, случайно или нет, сумел утешить старика. Цзинь Чжунмин, собиравшийся отчитать внука, увидел его искреннее лицо, когда тот сел у его ног на табурет, и слова застряли в горле.

Помолчав, Цзинь Чжунмин с холодным лицом произнес:

— Видно, младший господин Бай так хорошо тебя ублажает, что ты и встать не можешь. — Не дав Шианю ответить, он поставил чашку: — Молодой господин Цзинь, днем обедаешь с Сюаньхуэй, а ночью идешь в комнату к актеру — когда Сюаньхуэй войдет в дом, ты собираешься продолжать в том же духе?

Увидев недовольство деда и упоминание Цинь Сюаньхуэй, Цзинь Шиань схватил его за руку:

— Дедушка! Не сердись, послушай меня, на Цинь Сюаньхуэй нельзя жениться!

Цзинь Чжунмин, ожидавший этих слов, с усмешкой посмотрел на него:

— Почему нельзя?

Шиань занервничал под его взглядом, сглотнул и, словно заученный урок, повторил всё то, чему его учил Лушэн.

Они всю ночь обсуждали, что нельзя упоминать о предательстве мисс Цинь, но как убедить деда без этого?

Лушэн, долго живший при молодом господине и обученный им грамоте, рассуждал так:

— Вместо того чтобы подставлять Цинь Е, лучше зайти со стороны Чан Кайши. Для старого господина он — главная угроза.

Цзинь Шиань не понял:

— Что ты имеешь в виду?

Лушэн улыбнулся:

— Господин часто говорил: «Острое лезвие долго не продержишь». Разве не слышали вы, что высокое дерево ветер гнет? Наша семья в Нандине и так на виду, кроме нас — только семья Цинь. Брат, если бы ты был на месте Чан Кайши, ты бы предпочел, чтобы они дружили или враждовали?

Цзинь Шиань, который всегда был порывист и не любил вникать в детали, смутился от слова «брат». Лушэн прижал его руку к себе:

— Просто представь: у тебя есть два человека, которые тебе не нравятся. Ты бы хотел, чтобы они объединились или чтобы они ссорились?

Цзинь Шиань понял:

— Верно. Дед видит лишь, что Цинь Сюаньхуэй красива и воспитана, но не учитывает, что союз семей Цинь и Цзинь вызовет еще большее раздражение у Чан Кайши. — Он потрепал Лушэна по щеке: — Мой ты Дайюй, не знал, что ты такой умный!

Лушэн убрал его руку и улыбнулся:

— Если дед поймет эту суть, не то что мисс Цинь — даже мисс Чжу или мисс Цянь не заставят его давить на тебя.

Цзинь Шиань был готов расцеловать его. Лушэн отодвинул его и терпеливо добавил:

— Скажи это убедительно, чтобы у него не возникло подозрений.

— Каких подозрений?

— Дед — человек умный. Беды дома Цзиней — дело наших рук. Союз с Цинями плох, но если подумать, втянуть Цинь Е в наши дела — неплохой выход. Ты должен заставить его поверить, что это твое собственное решение.

Лушэн был невероятно проницателен. Прожив десять лет рядом с молодым господином, он научился читать людей. Раньше, ослепленный чувствами, он многого не замечал. Сейчас же, желая помочь Шианю, он проявил всю свою смекалку.

Это был их первый совместный бой. Цзинь Шиань выложился на все сто, используя все свои навыки убеждения акционеров — всё, на что он был способен.

Он по порядку изложил всё, чему учил Лушэн, добавив от себя:

— Дедушка, я занял место Цинь Е в союзе, как он может хорошо ко мне относиться? Новый глава еще не выбран, если я женюсь на Сюаньхуэй, мне что, бороться за место с ее отцом? С другими еще можно договориться, но породниться со старым врагом — это слишком неловко.

Цзинь Чжунмин усмехнулся:

— Значит, хочешь на Чэнби или Суюнь?

Господин Цзинь был уверен в себе:

— Семьи Чжу и Цянь — все они старые соратники Чжан Лао. В такое время объединяться — это же просто напрашиваться на неприятности! Дедушка, давай пока забудем о женитьбе, дай мне еще немного времени, может, найдется девушка получше?

Цзинь Чжунмин молчал, глядя на Цзинь Шианя.

Ему было под семьдесят, но взгляд оставался острым. Цзинь Шиань не хотел уступать и встретил его взгляд.

Дед и внук сражались глазами.

Цзинь Чжунмин нахмурился, попивая чай. Цзинь Шиань видел, как он медленно глотает, и сердце его бешено колотилось. Наконец старик поставил чашку и спросил:

— Где человек по фамилии Бай?

Цзинь Шиань еще не понял, зачем он понадобился, но инстинкт сработал быстрее мысли: он совершил непоправимую ошибку, и дело было не в его словах, а в чем-то другом. Он знал нрав деда и не раз слышал о его жестокости. Если он ищет Лушэна, ничего хорошего ждать не стоит.

Цзинь Шиань рефлекторно вскочил, чтобы преградить путь, но куда там — люди Цзинь Чжунмина ворвались во внутренний двор, вытащили Лушэна и бросили на землю.

Цзинь Чжунмин холодно произнес:

— Никчемная тварь, ты мастер плести интриги. Это ты его научил?

Лицо Цзинь Шианя пожелело.

Лушэн спокойно поднялся и опустился на колени, трижды поклонившись:

— Старый господин мудр, от вас ничего не скрыть.

Гнев Цзинь Чжунмина вспыхнул с новой силой. Он схватил чашку и швырнул ее в лицо Лушэну. Шиань попытался защитить его, но его тут же придавили к стулу. Лушэн не увернулся, и чашка с силой ударила его в висок, из раны хлынула кровь.

Цзинь Чжунмин не успокоился и начал осыпать Лушэна ударами трости. Цзинь Шиань, которого крепко держали, кричал:

— Дедушка! Хватит! Перестань!

Лушэн взглянул на него и мягко сказал:

— Господин, не просите за меня, я заслужил эту кару. — Он прополз на коленях к Цзинь Чжунмину: — Дедушка, не гневайтесь, позвольте сказать последнее слово, и я умру без жалоб.

Цзинь Чжунмин не дал ему договорить, и Лушэн получил удар по губам.

Стерпев боль, Лушэн схватился за трость и вытер кровь с губ:

— Перед смертью слова правдивы. Убейте меня, я не против. Прошу, выслушайте.

Цзинь Чжунмин в ярости крикнул:

— Говори! Говори!

Лушэн посмотрел на Шианя, затем на старика:

— Дом Цзиней в опасности, и причина лишь в одном — в излишнем могуществе. — Он снова поклонился: — Скажу дерзость: в глазах других вы не существуете, они смотрят лишь на господина. Если он женится на дочери богача, он станет бельмом в глазу Чан Кайши. Разве можно спастись союзом двух семей, когда над головой гремит гром?

Цзинь Чжунмин усмехнулся:

— Он уже говорил это, не нужно повторять.

Лушэн медленно произнес:

— Вы задумывались, почему Чан Кайши полгода не трогал дом Цзиней? — Он поднял лицо. — Потому что по всему Нандину разнесся слух, будто господин сошел с ума. Все решили, что дом Цзиней пал, поэтому и не действовали. Если сейчас привести в дом мисс Цинь, не только слух о безумии развеется, но и у властей возникнут подозрения, что мы что-то замыслим — иначе кто отдаст хорошую дочь за дурака?

Это звучало логично. Даже Цзинь Чжунмин замер на мгновение.

Лушэн опустил глаза:

— Я прошу у вас три вещи, о которых когда-то говорил господин. Первое: отсрочьте время, избавьтесь от оружия — это корень зла. Второе: закройте несколько фабрик, пустите слух, что это для лечения господина. Третье: не сватайте его в ближайшие годы, пусть даже люди говорят, что он держит меня, актера, и не хочет жениться — пусть это позор, но это спасет дом Цзиней. Подумайте об этом!

<http://bllate.org/book/19790/1950119>